Саша Ветрова

Сбежавшая невеста

КАВКАЗ

Саша Ветрова

Кавказ. Сбежавшая невеста

«Автор»
2026

Ветрова С.

Кавказ. Сбежавшая невеста / С. Ветрова — «Автор», 2026

Я сбежала от Аслана Закирова за две недели до свадьбы, на которую дали согласие мои родители. Я не хотела замуж за чужого и нелюбимого, я выбрала свободу.Он нашел меня через двенадцать часов. И теперь я полностью в его власти.— Не пойму, Сара, — говорит он. — Восхищаться мне твоей смелостью или твоей глупостью?Я молчу. Язык прилип к небу.Аслан наклоняет голову к плечу, разглядывая меня, как диковинную зверушку.— Неужели ты думала, что сможешь сбежать от меня? Запомни — тебе от меня не уйти! Никогда.Любовь, от которой не сбежать.Страсть, которая сильнее ненависти.Обещание, которое изменит все.

© Ветрова С., 2026
© Автор, 2026

Саша Ветрова
Кавказ. Сбежавшая невеста

Глава 1

Я задыхаюсь.

Смотрю на себя в зеркало и задыхаюсь, хотя из открытого окна в комнату проникает свежий горный воздух, а вокруг меня как ни в чем ни бывало суетятся портниха, мама и младшая сестра Амина.

— Ты как принцесса, Сара, — восторженно вздыхает сестренка. — Когда-нибудь и у меня будет такая свадьба…

Ох, нет. Я никому, а особенно моей милой и наивной Амине, не пожелаю такой свадьбы как у меня. Свадьбы с нелюбимым. Свадьбы с фактическим незнакомцем. Свадьбы с человеком, который рассматривает меня как товар, как часть сделки, как нечто… Нечто настолько незначительное, что даже не требуется мое согласие, чтобы организовать эту пародию на брак.

— Еще долго? — спрашиваю я нетерпеливо, ощущая, как дорогой белый атлас липнет к коже, расшитый камнями и жемчугом верх давит на грудь, а тугой корсет стягивает ребра.

Мне не терпится снять с себя это платье. Содрать с себя вместе с кожей. А потом настежь распахнуть и окно и дверь, чтобы сквозняк вытянул из комнаты приторно-сладкий аромат духов портнихи, которая подгоняет свадебный наряд по моей фигуре.

— Не дергайся, золотце, не дергайся, — щебечет женщина у моих ног, закрепляя булавками нужную длину подола.

Я стою в центре комнаты на небольшой табуретке с раскинутыми руками как пугало, и смотрю прямо перед собой. Из зеркала в резной золотой раме на меня смотрит невеста. Красивая невеста. С наспех собранными в высокий пучок тяжелыми темными волосами, молочно-белой кожей и грустными серыми глазами. Это все мои черты, но девушка в зеркале мне чужая…

Невеста.

Я не могу быть невестой.

Не сейчас. Не так. Не здесь. И не с ним…

— Сара будет красивой невестой, — вторя моим мыслям произносит Амина. — Самой-самой красивой.

— Мне кажется, это чересчур, — задушенно шепчу я, указывая на тяжелый корсаж.

— Нет, это именно то, что нужно, — заявляет мама.

Она стоит чуть поодаль, скрестив руки на груди, и оценивающе осматривает меня серыми глазами. Без восторга, без умиления. С удовлетворением. Как прораб, который принимает готовую работу. — Платье — это лицо невесты, Сара. А наше лицо, лицо Кадыровых, должно быть безупречным.

Наше лицо.

Я смотрю на маму. Зухра Кадырова. Красивая, ухоженная, в идеально сидящем брючном костюме, с покрытой однотонным платком головой. Она всегда безупречна. И всю жизнь она следит за нашим лицом — лицом нашей семьи, нашего рода, нашей фамилии. Теперь моя очередь стать частью этого до тошноты идеального фасада.

— Мам, — говорю я тихо, почти виновато. Сама не знаю, почему виновато. — Мне в нем некомфортно.

Мама замирает на секунду, потом неторопливо подходит и встает у меня за спиной.

— Глупости, — говорит она мягко. Таким тоном, которым спор не начинают, а заканчивают. — Это стиль. Это вкус. Это показывает, кто мы есть. И кем является твой будущий муж.

От этих слов внутри все холодеет. Будущий муж. Аслан Закиров. Я пытаюсь вспомнить его лицо, но воображение рисует перед глазами только темное волнующее пятно.

Две встречи. У нас было всего две встречи. Первая — год назад на приеме в честь Дня республики. Я тогда только вернулась из Лондона, закончив второй курс в колледже, и думала, что присутствую на очередном скучном приеме с отцовскими партнерами. Аслан в строгом костюме стоял у окна с бутылкой минералки в руке и о чем-то говорил с папой. На меня он взглянул лишь мельком, как на мебель. И почти сразу отвернулся. Вторая встреча состоялась месяц назад, когда папа объявил о моей помолвке. Аслан тогда заехал буквально на пять минут, подарил огромный букет белых роз, поцеловал воздух возле моей щеки и уехал. Я даже не успела ничего сказать. Возразить. Запротестовать. Стояла оглушенная и опустошенная, как кукла, сжимая стебли роз, не замечая, как острые шипы до крови царапают пальцы и ладони.

Все, что намертво отложилось в памяти — это его глаза. Темно-карие, почти черные, с тяжелыми веками. И взгляд. Наглый, самоуверенный, мрачный. Аслан Закиров смотрел на меня как будто видел меня насквозь. И будто я уже была его.

Красивый. Да, он был красивым. Высоким, темноволосым, с резкими чертами лица. От него пахло дорогим парфюмом и уверенностью. Такой уверенностью, от которой хочется сжаться в комок и исчезнуть. Он смотрел на меня не как на человека. Не как на женщину. Я была не более чем продуманной инвестицией.

— А ну-ка повернись, — закончив с подолом, портниха поднимается на ноги и хватает с вешалки фату. Длинную, воздушную, с жемчугом по краю. Она прикладывает ее к моей голове, вызывая во мне отчаянное желание испариться.

— Сара, ты счастлива? — Амина заглядывает мне в лицо. Сестра еще юная, искренняя, глупая. — Аслан такой красивый! Говорят, у него «Лексус» последней модели и дом на Рублевке! Может быть, он увезет тебя в Москву.

— Счастье не в «Лексусе», Амина, — отзываюсь тихо.

— Счастье в том, чтобы уметь радоваться тому, что тебе дает Аллах и твои родители, — мама бросает на сестру строгий взгляд.

Амина затихает, но глаз не отводит. Сестра всегда была смелой, а я была послушной… И вот куда это меня привело. Остается лишь молиться, что ее будущее не будет таким, как мое. Что она сможет отвоевать свое право на выбор, на самостоятельные решения, на любовь, наконец. Однажды она поймет, что это куда важнее материальных благ.

Мама открывает рот, чтобы добавить что-то еще, но в этот момент дверь приоткрывается, и в комнату заглядывает тетя Зара, папина сестра. Она полная противоположность маме: шумная, эмоциональная, везде сует нос и всегда все про всех знает. Сплетница. Но в лицо никто не смеет называть ее так, ведь она из рода Кадыровых, пусть и носит фамилию своего давно погибшего мужа.

— Зухра, милая, у нас гости! — тараторит она, влетая в комнату даже не потрудившись поздороваться. Она окидывает меня беглым взглядом, с трудом маскируя под маской радушия скрытую зависть. Ее дочь Кифа старше меня, но все еще не замужем. И я точно знаю, что именно ее изначально рассматривали как невесту для Аслана. — Ой, красота какая. Там Закировы приехали. Алим с Саидом в кабинете закрылись, чай пьют. А Аслан, — она переводит на меня взгляд и хитро щурится, — Аслан тебя ищет, Сара. Говорит, хочет видеть невесту до свадьбы. Счастливая ты, смотри, какой жених внимательный!

Корсет сдавливает ребра так, что я правда перестаю дышать.

Он здесь. Он хочет меня видеть.

Я беспомощно смотрю на маму, ищу защиты, но она уже превратилась в ураган.

— Так, быстро, платье снимай, Сара! Людмила, помогайте! — командует она. — Амина, убери за собой тряпки. Зара, скажи, пусть Аслан подождет пять минут в гостиной, мы спустимся.

Портниха начинает торопливо тянуть молнию на спине. Мама сдергивает фату, которая больно цепляется за волосы. Через минуту меня освобождают от тяжелого атласа и жесткого фатина. Я стою посреди комнаты в простой шелковой комбинации и чувствую себя абсолютно опустошенной. Выпотрошенной. Беззащитной.

— Надень вот это, — мама протягивает мне платье. Скромное, элегантное, кремовое, чуть ниже колена. — Сдержанно, но со вкусом. Волосы не трогай, укладка хорошая. Подкрась губы.

Я послушно беру помаду, но руки так дрожат, что линия получается кривой. С раздраженным вздохом мама вытирает мои губы салфеткой и сама красит мне губы с идеальной точностью.

Когда я спускаюсь по лестнице в гостиную, сердце бьется где-то в горле. Я пытаюсь улыбнуться, но щеки древенеют. Я чувствую себя так, будто иду на эшафот. Глупо. Всего лишь разговор с женихом. С мужчиной, за которого я выхожу замуж через две недели.

Аслан стоит у окна. Высокий, широкоплечий, в идеально сидящем графитовом костюме. Смотрит в телефон. Услышав шаги, поднимает голову и неторопливо убирает гаджет в карман.

Он еще красивее, чем я запомнила. Темные, чуть вьющиеся волосы гладко зачесаны назад. Высокий лоб, нос с горбинкой, волевой подбородок. И эти глаза, пронизывающие и темные, скользят по мне сверху вниз. Медленно. Оценивающе. По-хозяйски. Под этим взглядом я чувствую себя полностью беззащитной.

— Здравствуй, Сара, — голос низкий, ровный, без эмоций. Он делает шаг ко мне.

— Здравствуй, Аслан, — я застываю на безопасном расстоянии и сцепляю руки в замок перед собой. Чтобы не дрожали.

Закиров подходит ближе. Берет мою руку. Наклоняется, касается губами тыльной стороны ладони. Вежливо. Светски. Но пальцы задерживаются на моем запястье дольше, чем нужно. Словно он пульс считает и знает, как сильно я волнуюсь.

— Ты сегодня особенно хорошо выглядишь, — говорит он, глядя мне прямо в глаза. — Хотя ты всегда хорошо выглядишь.

— Спасибо, — выдавливаю я. — Мы просто… примеряли платье.

— Да, я слышал. Жаль, что я не увижу его до свадьбы, — в голосе легкая усмешка, которая лучше всяких слов говорит мне о том, что ему нет дела до моего платья. — Говорят, с тобой работают лучшие мастерицы республики. Это правильно. Ты должна быть самой красивой.

Должна быть. Я должна быть красивой. Как дорогое украшение. Как фамильный бриллиант, который он скоро получит.

— Хочешь присесть? — спрашиваю я, кивая на диван. Из последних сил стараясь выглядеть хозяйкой дома и хозяйкой положения.

— Я ненадолго, — он не двигается с места. — Отцы обсуждают дела, а я просто хотел… — пауза. Снова этот цепкий взгляд на моем лице, от которого хочется спрятаться. — Убедиться, что ты в порядке.

— Я в порядке, — быстро отвечаю я. — Спасибо.

— Волнуешься? — он чуть склоняет голову набок. В этом жесте вдруг мелькает что-то почти человеческое. Почти.

— Немного, — признаюсь я. Радуясь, что он сам дал мне повод быть честной. — Это же… большая перемена в жизни.

— Не бойся, — говорит он. Спокойно. Уверенно. — Я позабочусь о тебе. У тебя будет все, что ты захочешь. Ты просто должна довериться мне и слушаться.

Он произносит это так, будто читает лекцию. Без тени сомнения. И от этой уверенности мне становится еще хуже. Он не спрашивает, хочу ли я чего-то другого. Он просто обещает исполнять мои желания в обмен на беспрекословное послушание.

Аслан достает из внутреннего кармана пиджака бархатную коробочку.

— Это тебе. От меня. Вернее, от моей семьи. Это принадлежало моей матери, теперь это твое.

Я беру коробочку дрожащими пальцами. Открываю.

На черной атласной подушечке лежит браслет. Золотой. Массивный. Широкий. С затейливым цветочным орнаментом и размашистой надписью арабской вязью с внутренней стороны. Он выглядит тяжелым. Старинным. Безумно дорогим. И чужим. Таким чужим, что хочется закрыть коробочку и отдать обратно.

— Это фамильное, — поясняет Аслан. — Носится на правой руке. Он значит, что ты теперь под защитой нашего рода.

— Аслан, это слишком… — начинаю я. От бархата коробочки веет холодом. — Я не могу…

— Можешь, — перебивает он мягко. Но в этой мягкости — сталь. — Должна. Это традиция. Давай помогу.

Он забирает коробочку из моих рук. Достает браслет. И прежде чем я успеваю что-то сказать, обхватывает пальцами мое запястье. Пальцы у него сильные. Прохладные. Сухие.

С тихим щелчком браслет защелкивается на моей руке. Плотно обхватывает запястье, словно его делали специально для меня. Тяжелое золото давит на тонкую кость. Прижимает руку к земле своей весомостью как кандалы.

Аслан не отпускает мое запястье. Большим пальцем проводит по внутренней стороне руки. От браслета до локтевого сгиба. Мучительно неспешно. Кожа покрывается мурашками. Не от возбуждения. От смутного, животного страха. Закиров смотрит на меня сверху вниз. И в его глазах нет нежности. Только абсолютная, непоколебимая уверенность. Уверенность в своем праве. Праве на меня.

— Красиво, — говорит он, разглядывая браслет на моей руке. — Не снимай.

Он отпускает мою руку. Я опускаю глаза. Смотрю на браслет. Он великолепен, но душит меня сильнее, чем то платье, что подгоняет под меня портниха.

В гостиную входят отец и Алим Закиров. Отец улыбается, довольно потирает руки. Алим подтянутый, седой, с такими же тяжелыми глазами, как у сына.

— Ну что, молодежь, всем довольны? — гудит папа довольно. — Аслан, как тебе наша невеста?

— Лучше и быть не может, Саид Валиевич, — отвечает Аслан. Галантно. Почтительно. Идеальный зять.

Он бросает на меня короткий взгляд. Я улыбаюсь. Натянуто. Чуть заметно. Правую руку с тяжелым браслетом прижимаю к груди. Браслет холодит кожу даже через ткань платья. Он — клеймо. Знак принадлежности.

Отец продал меня. За очень щедрую цену, в очень хороший род. А Аслан Закиров только что поставил на мне свое клеймо.

Глава 2

Время до свадьбы летит с катастрофической скоростью. Кажется, чем больше я молю его замедлиться, тем сильнее оно разгоняется. Не давая мне ни единого шанса найти решение до того, как будет слишком поздно.

По ночам я почти не сплю. Ворочаюсь с боку на бок, комкая простыню и взбивая подушку, но сон не идет. В комнате душно, хотя окно распахнуто настежь и горный воздух льется внутрь прохладным, пахнущим чабрецом и далекими кострами, потоком. Где-то внизу, в селе, лают собаки. Перекликаются. Им хорошо, они свободны.

Я с растущей тяжестью в груди смотрю на правую руку.

Браслет, который подарил мне Аслан, на месте.

Я пыталась снять его, как только поднялась к себе после ухода гостей. Думала, что это просто украшение, пусть дорогое, пусть фамильное. Надела — сниму. Положу в шкатулку и буду надевать только по праздникам, когда Аслан рядом. Чтобы не злить.

Но браслет не снимается.

Я крутила его так и эдак, разглядывала замочек, пыталась поддеть ногтем, надавить — бесполезно. Хитрая старинная защелка, каких я раньше не видела. Словно механизм, который знает только хозяин. Или тот, у кого есть ключ.

У меня ключа нет.

В какой-то момент я запаниковала. Рванула браслет так, что золото больно впилось в кожу, оставляя красный след. Потом еще и еще, пока запястье не начало саднить. Я метнулась в ванную, намылила руку, надеясь, что браслет соскользнет.

Он не соскользнул. Я лила холодную воду, терла кожу, плакала от злости и бессилия — браслет сидел на руке как влитой. Как чертов ошейник.

Теперь я лежу в темноте, смотрю в потолок и чувствую его вес на запястье. Он тяжелый. Не только физически, нет. Он давит на меня морально, перечеркивая надежды на то, что я могу быть свободной. Делать все, о чем мечтала, хлебнув беззаботной жизни в Лондоне. Жизни, которая уже никогда не вернется… И этот браслет тому наглядное подтверждение.

В голове крутятся слова Аслана: «Не снимай».

Он знал. Он специально выбрал браслет с таким замком. Чтобы я не могла его снять. Чтобы он всегда был на мне. Чтобы я каждую секунду помнила: я его. Принадлежность. Собственность. Вещь.

Я закрываю глаза и вижу его лицо. Красивое. Спокойное. Уверенное. И глаза — темные, тяжелые, с этим жутким спокойствием человека, который привык получать все, что захочет.

А хочет он меня.

Я не знаю, его мотивы, но точно знаю, что это он выбрал меня. Слышала, как однажды переговаривались родители на этот счет. Что это Закиров пришел к отцу, а не наоборот. Он выбрал меня, потому что…

Я не знаю. И не питаю иллюзий. Есть девушки гораздо красивее меня, умнее, образованнее. Но моя фамилия — Кадырова. Возможно, это и есть главная причина. Не деньги, нет, а вес моей семьи в Республике. А я… Просто заложница.

Снова становится нечем дышать. Я жадно хватаю ртом воздух, но грудь давит с такой силой, что на глазах выступают слезы.

Я не могу. Я не могу…

Мысль о побеге приходит внезапно, как удар тока. Острая, пугающая, запретная…

Побег — это пятно позора. Это непростительная вольность. Это… Это поступок без шанса вернуться назад. Я опозорю семью. Если меня не найдут — я никогда больше не увижу Амину и мать… Если найдут… Я даже боюсь представить.

Но… Разве это не стоит того? Свободы, шанса жить так, как я хочу. Самой решать, самой выбирать, однажды выйти замуж по любви, а не по чужой указке.

Сердце колотится где-то в горле, когда я обдумываю мысль о побеге. Сбежать. Отсюда. Из этого дома. От Аслана. От отца. От всего, что меня душит.

Но как?

Я начинаю перебирать в голове варианты. Выход один — ночь. Днем не получится, за мной следят, хоть и не явно. Мамины взгляды, вопросы Амины, вездесущая тетя Зара — я как в аквариуме. Ночью дом засыпает, охрана у ворот, конечно, есть, но я знаю эту охрану. Это местные парни, Расул и Хасан. Они сменяются в полночь. После полуночи дежурит Расул — он старше, ленивее, любит поспать в своей будке, включив маленький планшет. Я сто раз виела эту картину, когда возвращалась позднее, чем обычно.

Но куда я пойду? Пешком по горам ночью — самоубийство. Нужны деньги. Нужен транспорт. Нужно, чтобы меня не хватились хотя бы до утра.

Я встаю с кровати и на цыпочках иду к шкафу. В самом низу, под стопкой старых джинсов, которые я уже не ношу, лежит моя лондонская сумка. Я достаю ее, расстегиваю молнию и запускаю руку в потайной карман.

Пальцы нащупывают пачку купюр.

Я вытаскиваю их и пересчитываю в темноте, пытаясь разглядеть цифры при свете луны. Тысяча двести фунтов. Плюс рубли, которые я откладывала из тех денег, что мама давала на карманные расходы. Еще где-то пятьдесят тысяч.

Этого хватит. На первое время.

Я экономила в Лондоне. Родители присылали мне щедро, но я не транжирила. Жила скромно, кое-что откладывала «на черный день». Не думала только, что черный день наступит так скоро.

Прячу деньги обратно в сумку. Теперь план.

Мне нужен транспорт. У отца машины, но ключи от всех у него в кабинете, в ящике стола. Туда не пробраться. У мамы своя — белая «Тойота», но она спит с ключами в спальне.

Остается садовник.

У Руслана, старого садовника, есть мопед. Древний, видавший виды «Иж», на котором он каждое утро приезжает из своего дома в нижнем селе. Руслан оставляет мопед в сарае за домом, рядом с инструментами. Ключи, кажется, всегда в замке зажигания — зачем их вынимать, если вокруг только свои?

Я видела этот мопед сотни раз. Он неказистый, дребезжащий, но на ходу. Руслан гоняет на нем уже лет десять, и ничего.

Мопед. Это лучше, чем ничего. На мопеде я доеду до райцентра, а там сяду на автобус или такси до аэропорта. Или до железной дороги. Главное — убраться отсюда как можно дальше.

Я ложусь обратно, но уже не пытаюсь уснуть. Лежу, смотрю в потолок и прокручиваю в голове маршрут. Дорога на райцентр — я знаю ее, мы ездили туда с Аминой за продуктами. Почти тридцать километров серпантина. На мопеде — час, может, полтора. В райцентре автовокзал открывается в шесть. Первый автобус на Владикавказ в половине седьмого. Если успею — буду во Владикавказе к девяти. Оттуда — такси до аэропорта, и первый же рейс в Москву. А в Москве… В Москве я разберусь.

Мысль о побеге пугает и пьянит одновременно. Я никогда ничего подобного не делала. Я была послушной дочерью, хорошей девочкой, гордостью семьи. Я училась, не спорила, не перечила.

И вот куда меня привело мое послушание. Ни отец, ни мать даже не спросили меня, хочу ли я замуж.

Глава 3

Утром за завтраком я все же решаюсь поговорить с матерью. Просто… Просто, чтобы убедиться в том, что я все делаю правильно.

Мама разливает чай по пиалам, подает свежие лепешки, мед, домашний сыр. За окном уже жарко, хотя еще только девять утра. Амина ест, болтая ногами под столом и рассказывая о каких-то своих подружках. Отец уехал по делам, нас только трое.

Я смотрю на маму. Она красивая, спокойная, уверенная. Она всегда знает, как правильно. Она вырастила меня, дала мне образование, заботилась обо мне.

И она же продает меня человеку, которого я не люблю.

— Мам, — говорю я, и голос чуть дрожит.

Она поднимает на меня глаза.

— Я хотела спросить.

— Спрашивай.

Я делаю глубокий вдох. Амина замирает с ложкой у рта, чувствуя что-то неладное.

— Можно… можно отменить свадьбу?

Тишина повисает в воздухе тяжелая, как горный туман. Мама медленно ставит пиалу на стол.

— Что значит — отменить?

— Я не люблю его, мама, — выпаливаю я. — Я видела его два раза в жизни. Он чужой мне. Он меня пугает. Я не хочу за него замуж.

Мама смотрит на меня долгим, немигающим взглядом. В ее серых глазах — холод. Не злость, не удивление. Именно холод.

— Ты хочешь опозорить семью? — спрашивает она тихо.

— Я хочу быть счастливой, — отвечаю я. — Разве это преступление? Разве мое мнение не важно?

— Важно, — мама кивает. — Твое счастье важно. Но счастье — это не та глупость, которую показывают в ваших западных фильмах. Счастье — это когда у тебя есть крыша над головой, когда твои дети сыты, когда ты уважаема в обществе. Аслан даст тебе все это.

— А если мне не нужно все это? Если мне нужно другое?

— Что тебе нужно? — в голосе мамы прорезаются стальные нотки. — Ты знаешь, что такое жизнь без денег и положения? Я знаю. Моя мать знала. А ты и понятия не имеешь, Сара! Ты мыслишь другими категориями.

— Я мыслю только одной категорией, мама. Это любовь. И я знаю, что не люблю Аслана Закирова. А он не любит меня — он меня совсем не знает.

— Любовь — это вздор, Сара, — мама качает головой, произносит это слово с таким презрением, что мне становится физически больно.— Любовь приходит после. После свадьбы, после детей, после общей жизни. Ты просто не дала себе шанс узнать Аслана. Он хороший человек. Из хорошей семьи. Будет заботиться о тебе.

— Он смотрит на меня как на вещь, — шепчу я.

— Он смотрит на тебя как на жену, — поправляет мама. — Хватит. Даже не думай об этом больше. Свадьба состоится. Ты будешь счастлива. Со временем ты сама поймешь, что я права.

Она встает из-за стола и выходит из кухни, даже не обернувшись.

Я сижу, сжимая край стола побелевшими пальцами. Браслет на запястье жжет кожу.

— Сара… — тихо говорит Амина. В ее глазах испуг и непонимание. — Ты правда не хочешь замуж?

Я смотрю на сестру и молча качаю головой.

Весь день я хожу как в тумане.

Мама делает вид, что разговора не было. Говорит о завтрашней примерке, о цветах, о списке гостей. Я киваю, отвечаю односложно, и внутри меня все кипит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.